

РОЛЬ КАЗАХСКИХ ДВОРЯН В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСКОГО НАРОДА В XIX В.

«edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы № 3 (23) июль-сентябрь, 2020

Введение. Проблема социальной интеграции окраинных территорий в систему Российской империи является актуальной и наиболее обсуждаемой темой на сегодня в области мировой империологии. В последние десятилетия, в рамках «имперского поворота», тема целостности центра и периферии, особенности их взаимоотношения становятся приоритетными направлениями. Современные концепции изучения Российской империи как мультинациональной, поликонфессиональной позволяют раскрыть особенности, способы и модели интеграции регионов, определить роль каждого региона в имперских реалиях и выявить все формы взаимоотношений центра и периферии в целостной картине.

Казахская степь в XIX веке стала социо-политической составляющей империи, изменив свою традиционную систему управления. Исследование социальных трансформаций в Степи на примере особенностей казахского дворянства позволит увидеть совершенно иную форму социальной инкорпорации казахов-кочевников в привилегированное сословие Российской империи. Это важно, как в понимании имперской разнообразности, так и в выявлении отличий вхождения других кочевых народов (башкир, калмыков и др.) в сословный порядок империи. Такой подход позволит определить место Казахской степи в истории империи, соответствует современным мировым концепциям исторической науки и представляет новый ракурс изучения российского многонационального дворянства.

В связи с этим, немаловажным является изучение деятельности казахских дворян в политической, общественной и культурной жизни казахов XIX века. Представители казахского дворянства занимали важные посты в региональной администрации и активно участвовали в социально-культурной жизни казахского общества. Более того, в деятельности казахских дворян ярко выражена попытка сохранения элитарных особенностей кочевой аристократии в Степи. Исследование персонального состава казахского дворянства, детальное изучение казахских дворянских родов и их роли в общественно-культурной жизни казахов способствует пополнению отечественной исторической науки новыми именами и позволит персонализировать новую историю Казахстана. Выявление не только новых имен, но и биографий казахских дворян позволит определить особенности их деятельности и влияние на

общественное сознание местного населения в пределах родного края, что является одним из актуальных направлений современной патриотической идеи «Туған жер».

Материалы и методы. Основу источниковой базы данного исследования составляют делопроизводственные материалы, статистические данные, материалы устного народного творчества казахов XIX века.

Основу источников составляют документы, извлеченные из государственных и федеральных архивов Казахстана и Российской Федерации: Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, г. Алматы), Государственного архива Оренбургской области (ГАОрО, г. Оренбург), Государственного архива Астраханской области (ГАОО, г. Астрахань), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и Государственного архива Самарской области (ГАСО, г. Самара).

Для восстановления исторической реальности важным источником служат материалы устного народного творчества. В произведениях казахских акынов XIX века Шортанбая Канайулы, Дулата Бабатайулы, Махамбета Утемисова, Мурата Монкеулы и др. отражены восприятия казахским населением новых преобразований в казахском обществе, приведен образ таких казахских дворян-султан как Баймухамед Айшуаков, Джилгара Байтокин и представителей его семьи, что дополнило биографические сведения и социальный портрет дворян из казахов. Особо значимым в трудах акынов является описание ими восприятия простыми казахами и самими дворянами социальных перемен в кочевом обществе: как воспринимались имперские награды, новый социальный статус султан, депутатии из казахских чиновников в столицу империи т.д. Таким образом, источниковая база исследования является неоднородной, что позволит избежать однобоких выводов.

Исследование базируется на подходах социальной истории и биографического метода. Методы социальной истории включают не только изучение социальных слоев, но и трансформацию ментальных представлений, ценностей, обычаев, моделей поведения новых социальных структур. Сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, системный методы исследования позволили на основе сопоставления фактов и данных, извлеченных из источников и литературы, рассмотреть исторические явления, события и процессы в развитии и взаимосвязи, увидеть трансформирующий характер и переход в иное состояние. Для изучения социального облика казахских дворян были также применены биографический метод, анализ статистических материалов и т.д.

Обсуждение. Имеется множество работ по истории Российской империи и ее окраин, представляющих ее многонациональную природу. В последние десятилетия появились качественно новые направления в

изучении истории Российской империи зарубежными исследователями. Такое развитие обусловлено, во-первых, значительно более широким использованием архивных документов. Во-вторых, методологические достижения исследований культуры, национализма, идентификаций, дискурсов, колониальной истории сразу берутся на вооружение историками (Верт, 2005). Одним из наиболее популярных направлений в современной исторической науке является исследование личностей, их деятельность и роль в общественной жизни в контексте имперских реалий.

В связи с этим, необходимо отметить, что изучению биографий и общественной деятельности представителей казахского дворянства посвящено очень мало работ как в мировой, так и в отечественной историографии. В основном в данных исследованиях рассматривают другие стороны исторических личностей, не осящая их социальное положение, общественную деятельность и, особенно, дворянские привилегии.

О выдающихся личностях Казахской степи XIX века упоминали еще дореволюционные авторы, оставившие колоссальные труды по истории казахов. В своих работах Л. Мейер (Мейер, 1865), А.И. Добросмыслов (Добросмыслов, 1902), И. Крафт (Крафт, 1900) рассматривали социальное устройство казахского общества до реформ начала XIX века и перемен в нем в пореформенный период. В контексте этих преобразований авторы упоминают посредническую роль казахских султанов и дают биографические сведения о некоторых из них, являвшихся представителями казахского дворянства. В труде «Из киргизской старины» И. Крафт пытается дать определение элитарным группам казахского кочевого общества – султанам, тарханам, биям. В данной работе султаны характеризуются таким образом: «Султанами называются потомки киргизских ханов. По вступлении киргизов в русское подданство, сыновья хана Абулхаира Эрали, Нурали, Хожа-Ахмет и Айчувак, а также дети и племянники последних, во всех Высочайших грамотах и указах именовались султанами. Султану Эрали, участвовавшему с отцом своим, ханом Абулхаиром и представителями народа в принятии присяги подданство России, были оказаны почести, приличествующие детям владетельных особ» (Крафт, 1900: 80-83). В работе А.И. Добросмылова султаны рассматриваются как основные посредники между имперской администрацией и казахским народом в процессе трансформации политической и общественной организации казахского общества (Добросмыслов 1902: 8). Добросмыслов детально рассматривает Утвержденное мнение 1824 года и полностью публикует Положение 1844 года (Добросмыслов, 1902: 375). В целом, он тщательно и поэтапно описывает политическое положение Казахской степи, уделяя в некоторых случаях внимание личностям султанов-правителей. Л. Мейер, в своей работе, также дает описательные сведения о казахском обществе. Однако, у него несколько меньше сведений о представителях

казахских дворян. Примечательно, что султаны во всех данных случаях не рассматривались авторами как дворяне. Для историографии дореволюционного периода характерны накопление материала и описание исторических событий, связанных с казахским обществом. Мейер, Казанцев, Добросмыслов, Крафт пытались представить историю казахского народа и современное им положение в Степи в информативной форме, для знакомства русской власти с Казахской степью. Эти авторы контактировали с казахскими дворянами, которых описывали, старались давать положительную оценку изменениям в Степи в результате политических действий имперской власти. В указанных работах присутствуют некоторые важные моменты о процессе инкорпорации казахов в имперское устройство, о личностях казахских дворян, о переменах в социальных отношениях казахского общества.

В современной историографии Казахстана также наблюдается попытка изучения казахской кочевой элиты в составе имперского социально-политического пространства, имеются исследования по отдельным личностям казахского дворянства. В работах И.В.Ерофеевой (Ерофеева, 2013), Ж. Касымбаева (Касымбаев, 2000), Султангалиевой (Султангалиева, 2015), на основе разнообразных источников, делается реконструкция биографий представителей казахской элитарной группы, затрагиваются вопросы интеграции казахской элиты, формирования казахского чиновничества и т.д. Жанузак Касымбаев опубликовал серию книг, посвященных историческим деятелям XIX века, о которых было мало известно в исторической науке. Серия «Государственные деятели XVIII-XIX веков» включает исследования Айшуак хана, Жанторе и Баймухамеда Айшуакова. Автор, на массивных исторических источниках, пытается раскрыть биографию личности в реалиях своего времени – объединяющих имперскую и казахскую кочевую среду. В своей работе «Генерал-майор, султан-правитель Баймухамед Айшуаков» (Касымбаев, 2000) он детально рассматривает жизнь и деятельность Баймухамед султана, родоначальника казахского дворянского рода. В ней автор, также, дает анализ процессу награждения казахских султанов – за что и когда казахские султаны получали российские чины и ордена. Однако, стоит отметить тот факт, что Касымбаев здесь не упоминает о дворянстве Б. Айшуакова.

Интересны также исследования зарубежных ученых о представителях казахской элиты XIX века, которые пытаются раскрыть деятельность этих личностей, всесторонне рассматривая влияние и традиционных ценностей казахов-кочевников, и имперский контекст одновременно. Среди таких работ можно выделить труды Иана Кэмпбела (Кэмпбел, 2017), Матсушита Бейли (Матсушита Бейли, 2009), отдельные работы Вирджинии Мартин (Мартин, 2010; 2017). Эти авторы дают анализ политической и общественной деятельности определенных представителей казахской элиты, которые адаптировались к новым социально-политическим условиям и стали частью имперского

составляющего. Тем не менее, в данных работах, хотя и имеются сведения о социальном происхождении индивида, авторы не фокусируют внимание на процессе перехода в имперский сословный строй той или иной личности.

Таким образом, из историографического обзора проблемы видно, что исследование персонификации казахского дворянства способствует выявлению полноценного и завершенного образа дворянского сословия империи и соответствует приоритетному направлению в мировой исторической науке. Более того, ввиду скудных исследований по данной проблеме, можно прийти к выводу, что вопрос персоналий казахского дворянства в составе высшего сословия Российской империи и роль казаха-дворянина в казахском кочевом обществе имперского периода нуждается в широком монографическом исследовании. Данная статья является лишь первой попыткой в изучении важной проблемы новой истории Казахстана.

Результаты. Личности в Казахской степи в период имперского правления имели интересные и двойственные биографии. Для исследования имперских биографий казахской элиты важно изучить влияние эпохи на формирование определенного индивида и как на эту эпоху воздействовали выдающиеся личности, рассмотреть особенности социокультурного контекста эпохи становления личности.

Процесс формирования казахского дворянства начался с политическими переменами на территории Казахской степи в начале XIX века. Основным законом, начавший процесс включения казахского общества в имперскую сословную структуру и распространения чиновничьего порядка стал Устав о сибирских казаках 1822 года. Именно в нем был указан путь приобретения дворянства казахскими султанами: «§ 51. Старший султан имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности»; далее отмечается «§ 52. Даже и после срочной смены старший султан считается в числе почетнейших султанов; и ежели прослужит три срока, имеет право просить диплом на достоинство дворянина Российской империи; чин же удерживает тот, который ему действительно пожалован будет» (Полное собрание законов Российской империи, далее ПСЗ РИ, 1830:417-419). Важно отметить, что Устав 1822 года пытался сохранить позиции потомков чингизидов – султанов, которые имели право занять должность старшего султана и волостного управителя. Затем и «Утвержденное мнение комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» на территории Младшего жуза закрепил положение о том, что должность султана-правителя мог занять только представитель султанского сословия. Таким образом, согласно новым законам казахские султаны обладали приоритетом в приобретении дворянского титула Империи посредством встраивания в чиновнический аппарат местного управления. Также, на казахское население

распространялись общие правила Российской империи по вхождению в потомственное и личное дворянство (Тулешова, 2019).

Согласно Первой Всероссийской переписи 1897 года число дворян из казахов составляло 1009, из них потомственных – 881 и личных – 128 (Tuleshova, 2019).

Казахское дворянство, в составе российского дворянского сословия, возникло на основе привилегированной элиты кочевого общества, но по сущности и характеру это была совершенно новая социальная группа. Большинство представителей казахского дворянства относились к сословию султанов и могли войти в состав российского дворянства только через службу в органах местного управления. В результате изучения основных источников по казахскому дворянству, были выявлены дворянские казахские династии Баймухамедовых, Байтокиных, Беркимбаевых, Валихановых, Джаикпаевых, Джантюриных, Газиных-Букеевых, Коченовых, Тезековых, Тяукиных, Худаймендиных, Чингисовых, Шанхаевых, Букеевых (князя Чингисовы) (Tuleshova, 2019: 94-123).

Представители казахской элиты, включаясь в социально-политическую систему Российской империи, становились ее частью, но сохранили традиционные особенности быта и культуры. Из этих обстоятельств вырисовывается особенная биография казахского дворянина, включающая одновременно судьбу лояльного чиновника империи и национального деятеля. Казахские дворяне, являясь частью российских дворянских родов, были включены в административное управление Степи в качестве имперских чиновников, имели атрибуты русского чиновничества, внедрялись в военную и гражданскую службу, пользовались доступными для них сословными привилегиями.

Согласно утверждениям Матсушита Бэйли, личности, которые жили во времена переходного периода или колониального столкновения, представляют особенный интерес для историка, хотя они также оказываются погруженными в дополнительные слои сложности, особенно, когда индивид проявляет связи как с колонизатором, так и с колониальным населением и, когда человеческая жизнь является в этой обстановке объектом исследования, то это место среди минных полей потенциальных проблем (Бэйли, 2009: 165-166). В контексте такого двухстороннего влияния (старого и нового) должна быть рассмотрена жизнедеятельность казахских дворян, которые также имели сложные, расслоенные биографии.

Жизнь казахского дворянина протекала в русле колониальных акций имперской России по отношению к Степи и во время перемен и адаптации казахского кочевого общества к новым порядкам. Во многих своих вновь приобретенных регионах, царская власть на начальном этапе сохраняла традиционные социальные и некоторые политические особенности, постепенно внедряя имперский уклад. В Казахской степи

XIX века наблюдается такая же картина: первыми же реформами имперское правительство ликвидировало ханскую власть, но сохранило привилегированную позицию традиционной элиты – султанов. Последние постепенно начинали внедряться в местное управление, становились чиновниками, а затем и включались в состав привилегированных имперских сословий. Помимо традиционной аристократии, посредниками становились и представители «черной кости» – бии, старшины. Все они были вовлечены в процесс имперских колониальных мероприятий в Казахской степи и стали частью новых сословий, сформировавшихся и развивавшихся на протяжении XIX века.

Каждый казахский дворянин объединял в себе традиционное казахское воспитание и обязанности перед имперской властью, которая обеспечивала их жалованьем, высоким статусом перед соотечественниками, сохранением своих преимуществ, предоставлением нового привилегированного положения на общеимперском уровне (дворянским титулом). Становясь частью имперского высшего общества и являясь проводником российской власти в Степи, были ли казахские дворяне только посредниками или их деятельность можно рассматривать как адаптацию к новым условиям? Какие формы лояльности были присущи казахскому дворянину? Идентифицировали ли себя казахские дворяне с дворянским сословием империи, если нет то какую идентичность они имели? Какова была их роль в казахском обществе имперского периода? Ответы на эти ключевые вопросы возможно будет получить с выявлением портрета казаха-дворянина и выяснением сущности его имперской деятельности.

Казахские дворяне были включены в губернские дворянские общества Оренбургской, Самарской, Астраханской, Омской, Уфимской губерний.

Казахские дворянские роды отличались друг от друга разными путями приобретения этого титула, происхождением и разницей в использовании привилегий. Рассмотрение отдельных родов, ввиду особенностей приобретения ими дворянства, пользования сословными правами, уровня образования, позволит раскрыть своеобразие казахского дворянства. Казахское дворянство имело такое же разделение как общее дворянское сословие империи: потомственное и личное, титулованное и нетитулованное. Помимо дифференциации по способам получения дворянского титула, условно, мы выделили два поколения казахских дворян по признаку их деятельности и лояльной службы к империи: 1) чиновники первой половины XIX века; 2) чиновники второй половины XIX века - начала XX века. Среди первых поколений казахских чиновников не совсем четко видна имперская лояльность, но последующие, большинство из которых получили светское русское образование, считали себя не только представителями казахского народа, но также и частью целой имперской системы, имели более тесную связь с ее идеей.

Также, происхождение определенного казахского дворянина не могло не отразиться на его сложной идентичности, так как чингизиды, помимо казахского патриотизма и лояльности престолу, не имели права забывать о своих аристократических корнях. В этом отношении, казахские дворяне из простых людей (черной кости) были больше благодарны имперской власти, которая дала возможность способным, талантливым выходцам из простых казахов достичь высокого статуса в обществе.

Какие формы лояльности вырабатывались в сознании этих казахских дворянских родов, вобравших в себя национальную и имперскую обязанности? На протяжении XIX века казахским дворянам и, вообще, всем чиновникам из казахов, был свойственен двойственный характер лояльности – империи и кочевому казахскому обществу. Однако, с начала XX века новое поколение казахской интеллигенции обращает свое внимание национальному (государственному) патриотизму и родине, вырабатывается иное восприятие народа. В этом процессе перехода от традиционной элиты казахов-кочевников в национальную интеллигенцию, казахское дворянство занимало срединную позицию. Посредством приобретения титула дворянина казахская элита (белая и черная кость) сохраняла элитарные особенности в имперский период и оказывала влияние на формирование особенностей казахской интеллигенции начала XX века. Доказательством этому может быть тот факт, что подавляющее большинство Казахского дворянства составляли султанские семьи: из выявленных 15-ти казахских дворянских родов 9 (Баймухамедовы, Валихановы, Газины-Букеевы, Джантюрины, Тяукины, Шанхаевы, Чингисовы, Худаймендины, Букеевы) были султанского происхождения. Этому есть простое объяснение – царское правительство в начале своих политических акций в Степи пыталось создать себе социальную опору именно из местной элиты. Их особенностью было присутствие огромной стимулирующей силы для внедрения в новое устройство – сохранение привилегий и власть в кочевом обществе, что привело к быстрой и эффективной адаптации данной части населения к имперскому порядку. Потомки казахских ханов, потеряв наследственную власть с ликвидацией ханского правления Уставом 1822 года и Утвержденным мнением 1824 года, этими же законодательными актами были признаны как основные претенденты на должность в среднем звене местного управления. Представители влиятельных султанских родов Баймухамедовых, Валихановых, Букеевых, Джантюриных, Тяукиных, Чингисовых, Худаймендиных, посредством службы царскому престолу были включены в состав российского дворянского сословия (ГАОрО, 210; РГИА, 126; РГИА, 3894).

Казахское дворянство было представлено разными яркими и выдающимися личностями XIX века. Они построили блестящую карьеру в местном управлении и удостоились высоких чинов и наград. Посредническая деятельность казахских дворян бесспорна, но в

достаточной ли степени мы знаем об их вкладе в культурное и общественное развитие казахского общества?

В региональных управляющих органах представители казахского дворянства и чиновничества способствовали эффективному исполнению имперской политики, ориентированную на обращение внимания личным заслугам и способностям казахских чиновников. В своих должностях Баймухамед Айшуаков, Мухамедгалий Тяукин, Дербисалий Беркимбаев, Мухамеджан Баймухамедов всегда грамотно представляли нужных людей на вакантные места. Из анализа переписки русской администрации с местными чиновниками видно, что последние прекрасно разбирались в нужных людях. Например, в процессе адаптации представителей казахской элиты к новым условиям, установленным империей, биография Баймухамеда Айшуакова является прекрасным примером. С молодых лет Баймухамед султан воспитывался как наследственный хан Степи, но с введением нового порядка он приспособивается к новым условиям и, в результате, отлично вписывается в имперское местное управление (Центральный государственный архив Республики Казахстан, далее ЦГА РК, 2465:3-6). Он блестяще справлялся с обязанностями султана-правителя, следил за общественным порядком и был уважаемым среди казахского населения. Баймухамед Айшуаков вел обширную переписку со многими известными личностями, старался вовлечь своих соплеменников к просвещению, добивался открытия за собственный счет школы для бедных казахов, строго соблюдал мусульманский пост (Касымбаев, 2000: 7-8). Занимая высшую должность в новой административной структуре казахов Оренбургского ведомства, Баймухамед Айшуаков внес весомую лепту в создании спокойной обстановки в Младшем жузе. Его служебная карьера, во многом зависевшая и от позиции Оренбургского начальства, и от чингизидской среды, в целом, поражала современников. По сведениям дореволюционного исследователя Мейера, казахи боялись его как сильного человека и «притворно уважали его» (Мейер, 1865: 42-43).

Совмещая в себе лояльного чиновника и патриота собственного народа, представители казахских дворян всегда пытались заниматься просвещением своего народа и развивать европейскую культуру в казахском обществе.

В процессе изучения личностей из казахского дворянства, много сведений было обнаружено об открытии школ и постройке мечетей. Баймухамед Айчуваков, Алибек Джалгарин, Дербисалий Беркимбаев, Лайык Беркимбаев, Чингис Валиханов ходатайствовали о постройке школ для казахских детей и мечетей в своем ауле (ЦГА РК, 6643: 3; ЦГА РК, 3092: 10), а Губайдулла Чингисхан был одним из тех, кто финансировал постройку мечети в Санкт-Петербурге. Очевидно такая деятельность была очень характерна представителям казахской элиты в связи с культурой и религией. Ведь согласно устоям ислама, благим

делом является постройка храма молитвы и школы, где будут переданы основные знания.

Стараясь распространять среди казахского общества религиозное и имперское светское образования, большинство дворян-казахов сами обучались основам ислама и получали качественное образование в имперских образовательных учреждениях. Они хорошо понимали роль образования в новой для казахского кочевого населения системе и всесильно пытались развить образовательную деятельность в Степи. В качестве наглядного примера можно привести Джилгара Байтокина. В 1811 году он написал письмо генералу Глазенапу с просьбой отправить грамотного муллу в Андагуль-Ораз-Байымбетовскую волость. В результате, туда прибыл образованный мулла Яман Явгозин из Челябинского округа (ЦГА РК, 1085), который впоследствии занимался просвещением детей и взрослых.

Представители казахских дворян всегда были сторонниками качественного образования и, поэтому, некоторые из них (Салимгирей Джантюрин, Губайдулла Чингисхан) оплачивали обучение молодых казахских парней в учебных заведениях крупных городов империи.

Одним из представителей казахского дворянства, который активно занимался общественной деятельностью и благотворительностью был Салимгирей Джантюрин. В 1890 году он открыл детский приют в селе Килимове, а позднее, на средства Джантюриных, там же были открыты отдельные школы для мальчиков и для девочек. С 1906 года он был назначен председателем мусульманского благотворительного общества в Уфе. Выступал за автономию окраин, отмену смертной казни, введение однопалатного парламента. Вместе с тем, Салимгирей Джантюрин занимался проблемами обучения на родном языке. Вместе с Мустафой Чокаем он собирал материалы о положении людей из Туркестанского края и Казахстана, мобилизованных на фронтовые работы, исследовал коневодство в казахском обществе и опубликовал работу «Очерки киргизского коневодства» (Джантюрин, 1927).

Другой дворянин-казах, Джилгара Байтокин, также активно занимался просвещением казахского народа о полезности земледелия и сам первым начал заниматься этим. Байтокин был редким случаем из казахов, который с приобретением дворянского титула хотел изменить и свой жизненный уклад, и потомков. В некотором смысле, ему это удалось. В общественном управлении Джилгара Байтокин и его род занимали особую позицию и имели большое влияние на население в своем регионе. В народных сказаниях род Байтокиных в местном управлении представлялся достойным соперником другого дворянского рода султанского происхождения – Валихановых (Әуелбеков, 2014). В регионе, помимо нескольких представителей из других казахов, эти роды чередовали занимание должности старшего султана. Одним из известных сыновей Джалгара Байтокина был Муса Джалгарин, который в

1858-1860, 1866-1868 годах служил старшим султаном в Кокчетавском округе. Согласно произведениям акынов того времени, Муса Джалгарин был умен и имел большое влияние среди казахского рода аргын. Он знал русский язык и был грамотен в письменной речи. Он строил деревянные дома себе и своим родственникам, план которых сохранился в архивных документах (ЦГА РК, 1880). Подражая Мусе, 25 казахских семей из Ораз-Байымбетовской области отправляют прошения в Пограничное управление о постройке деревянных домов. Более того, они также просят о разрешении заниматься земледелием на землях напротив военной станицы Ново-Никольск (ЦГА РК, 1921). Еще одно интересное сведение сохранилось в сказаниях казахского народа о землях Мусы Джалгарина. Зафиксирован факт, что в 1879 году к землям Мусы, то есть к землям дворянского рода Джалгариных, были переселены русские крестьяне и взяли эти земли в аренду. Пришедшие русские назвали эти земли «Мусины земли». Потом название поменяли на Явленко. Интересно то, что местное казахское население до сих пор эту местность называют Мусин (Страница летописи Родного края, СКО, 2015: 50-51).

Еще один сын Джалгара Байтокина – Алибек Джалгарин – был известным батыром и певцом. Он был буйного и вспыльчивого характера, по сравнению со старшим братом. Любил праздную жизнь в Степи и был близким другом знаменитого казахского поэта XIX века Акан Сери. Другой казахский поэт того же времени Кажамбет Ордабайулы пишет об Алибеке как об отважном защитнике простого народа, щедром человеке, который раздавал свои подарки, полученные от императорской власти первому попавшемуся (Сегіз сері. Таңдамалы шығармалары, 2003).

Также, многие казахские дворяне занимались изучением своего края, истории, традиционного хозяйства казахов. Мухамедгалий Тяукин, как корреспондент вольного экономического общества, оставил свое наследие «О записке, скотоводстве и других средствах к существованию Ордынцев, кочующих в Зауральских степях» (Султангалиева, 2014: 202-207). В данной статье он дает сведения об устройстве жилищ, земледелии, скотоводстве, лесоводстве, звероловстве и рыболовстве казахов. Ахмед Джантюрин был действительным членом Оренбургского отдела Российского географического общества и собирал образцы казахской поэзии (Султангалиева, 2014: 208-239). А о трудах ученого, путешественника Чокана Валиханова нам известно достаточно много.

На основе анализа казахского дворянства и их деятельности в политической, культурной и общественной жизни выявляется природа взаимодействия центра и местных чиновников в рамках социальной политики Российской империи в Казахской степи. В ходе изучения разных видов делопроизводственных документов – рапортов, отчетов, отношений, журналов заседаний Дворянского депутатского собрания Оренбургской губернии, прошений представителей казахского чиновничества, заключений и мнений высокопоставленных чиновников –

была выявлена разнородность отношений, пониманий, взглядов между представителями русской администрации и местными казахскими чиновниками о социальной природе, статусе дворян из казахского общества. Нами выделены следующие особенности такого рода взглядов:

- русская администрация, в лице Дворянского собрания или Правительствующего Сената, не связывала происхождение казахских султанов и дворянский титул, хотя в деле о дворянстве того или иного ханского потомка выделялось благородство его рода. В то же время, казахские султаны всегда думали, что своим благородным происхождением они уже имеют преимущество претендовать на дворянское достоинство;

- имперские управленцы предполагали, что привилегированные сословия из казахов (дворяне и почетные граждане) могут приобрести «сословную полноправность» только в случае перехода на оседлый образ жизни, тогда как казахские потомственные дворяне и почетные граждане пытались сохранить кочевой образ жизни и культуру посредством получения дворянства или почетного гражданства;

- царская администрация видела в казахских дворянах агентов имперской власти и посредников, тогда как сами чиновники из казахов, помимо этого, считали себя преобразователями своего общества, которому необходимо адаптироваться к новым условиям;

- имперская власть не планировала делать из кочевых казахов «настоящих дворян», только в начале XX века появились обсуждения данного рода проблем в царской администрации.

Помимо всего этого, в ходе исследований были определены разные этапы во взаимоотношениях центральной и местной властей: 1) первая половина XIX в., когда политические действия имперской власти по социальной интеграции воспринимались казахскими чиновниками только как выделение в своем обществе, поощрение за услугу, и т.д.; 2) вторая половина XIX в. - начало XX в., когда и представители местного казахского управления начали расширять пользование правами и привилегиями потомственного дворянства и почетного гражданства в целях сохранения своих земель и жизнеустройства, и центральные власти начинали по-другому воспринимать суть казахских «кочевых дворян». О таких изменениях в отношениях центральных и местных властей свидетельствуют прошения казахских чиновников Оренбургского региона, получивших чины или ордена, посредством которых они имели права просить о предоставлении дворянского достоинства или почетного гражданства в конце XIX и начале XX вв.

Царское правительство попыталось ввести традиционную для Российской империи бюрократическую административную систему управления, по которой управленческие посты занимали люди, наиболее подходящие для этой деятельности. Однако, на практике колониальная

система подверглась сильному влиянию традиционной системы управления кочевников. Любые политические или социальные мероприятия царской власти видоизменялись в зависимости от восприятия местного общества. Процесс адаптации традиционного казахского кочевого общества в структуру российского имперского пространства на протяжении XIX века проходил через изменения стереотипов сознания казахского населения, трансформации традиционной культуры и формирования новой программы деятельности представителей казахской элиты посредством появления в Степи новой социальной группы – казахское дворянство. На протяжении XIX в. наблюдается трансформация ментальных ценностей, обычаев, моделей поведения и представителей дворянского сословия из казахов. Они старались пользоваться и ценили те привилегия, которые для них были понятны и соответствовали их традиционным мировоззрениям. Казахские дворяне, получившие светское образование, вливавшиеся в имперский управленческий строй, хорошо знакомые с русской культурой, призывали остальное население принять новые социальные ценности, так как в противном случае они окажутся не способными для самоуправления. Это все приводит к утверждению, что социальная динамика имела место в Казахской степи на протяжении XIX века.

Заключение. Биографический анализ казахских дворян и их общественная деятельность в казахском обществе имперского периода и в транзитное время, начала XX века, позволили определить результат социальной политики имперского правительства в Степи. Трансформация политической обстановки в Казахской степи в XIX веке повлекли за собой изменения в социальной структуре казахов. В кочевом обществе появились новые сословия по примеру имперского социального устройства и начало меняться сознание общества и восприятие имперских устоев жизни. Социальная динамика в казахском обществе имела место на протяжении XIX века и этот процесс был началом внедрения в казахское кочевое общество европейского социального кода.

Деятельность представителей казахских дворян в политической и социальной жизни казахского общества в составе империи всегда можно описать как сохранение своего внутри нового. Личности данного периода, включая казахских дворян, всегда имели двойственный характер, обусловленный временем и историческими реалиями, а также составляли часть имперского общества, оставаясь членами кочевого казахского народа.

Для исторической науки современного Казахстана важно создать национальный образ казахов посредством личностей XIX века. Помимо уже известных знаковых фигур в истории Казахстана нового времени, есть еще множество неизвестных обществу и официальной истории других исторических типов людей, которые, несомненно, заслуживают внимания. Казахские дворяне в имперском контексте являются ярким

примером перехода к новому социальному положению, создания имперской гражданственности вместе с гармоничным слиянием патриотических чувств к родине.

Литература:

Әуелбеков Д.А. Шежіре және аңыздар.– Солтүстік Қазақстан, 2014. – 187 б.

Джантюрин С. Очерки киргизского коневодства. (По данным бюджетного обследования Каркаралинского уезда в 1926г.) // Наше хозяйство, 1927. – № 5-6.

Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. – Тверь: Типография Н.М. Радионова, 1902. – 524 с.

Ерофеева И.В. «Между всеми старщинами знатнейший»: первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. – Алматы: ОФ «Фонд Мухтара Ауэзова», 2013.

Казахские чиновники на службе Российской империи: сб. документов и материалов. Сост.: Г.С. Султангалиева, Т.Г. Далаева, С.К. Удербаетова. – Алматы: «Қазақ университеті», 2014. – 418 с.

Касымбаев Ж. Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790-1847). Книга первая. – Алматы: Олке, 2000. – 188 с.

Крафт И.И. Из киргизской старины. – Оренбург: Типо-литография Ф.Сачкова, 1900. – 168 с.

Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Собранный старшим советником Тургайской области Крафтом И.И. Оренбург, 1898. 234 с.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Санкт-Петербург, 1865. 289 с.

Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер.– Москва: Новое издательство, 2005. – 696 с.

Страница летописи Родного края.– СКО, 2015. – 320 с.

Сегіз сері. Таңдамалы шығармалары. – Петропавл, 2003. – 205 с.

Полное Собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ) СПб., 1830. Т.38, №29127.

Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОрО). Ф. И-38. Оп. 1 Д. 210.

Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. И-1343. Оп.18. Д. 126.

РГИА. Ф. И-1343. Оп.30. Д.3894.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. И-369. Оп.1. Д. 6643. Л.3.

ЦГА РК Ф. И-25. Оп.1. Д. 3092. Л. 10.

ЦГА РК Ф. И-44. Оп. 1. Д. 1085.

У.Ж. Тулешова¹, Е.А. Галимов². ¹Ph.D., Ст. препод. КазНУ им. аль-Фараби. ²Зав. Музеем археологии РГП «Ғылым ордасы» КН МОН РК.